

ТВОРЯТ СЧАСТЛИВЫЕ ДОБРО

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О НАСТАВНИЧЕСТВЕ В КИНЕМАТОГРАФЕ

Человек растет, тысячи дорог манят его, зовут, а он из всех должен выбрать себе одну верную, по которой будет идти потом всю жизнь. Выбор жизненного пути происходит в молодости, когда только формируются мировоззрение, взгляды, позиции. И здесь очень важно, с кем юноша делится своими думами, мыслями, кому задает свои главные вопросы, в которых пока трудно разобраться самому, какой получает ответ.

Тем, что я пришел в искусство, стал режиссером, я обязан многим людям. В жизни мне везло на хороших людей. Я встречал их в детстве, на войне, уже будучи взрослым и зрелым человеком. Есть люди, которые незаметно проходят мимо, даже если и приходилось с ними долго общаться. А есть, которые словно свет, несут с собой мудрость, добро, тепло своего сердца.

Я благодарен человеку, который, заметив меня на улице, когда я, мальчишка, с упоением и восторгом рассказывал своим сверстникам о только что увиденном первом фильме в своей жизни — «Чапаеве», взял меня за руку и привел в театр. Я стал артистом. Я благодарен другому, который подсказал мне, что надо учиться дальше, что я должен стать режиссером. И я, правда, не сразу, спустя много лет, потому что помешала война, поехал в Москву поступать во ВГИК. Я не забыл их, но сейчас хочу рассказать о тех, кто отдал мне много времени и долгие годы, кто ревностно следил за моей работой и судьбой, кто потратил на меня свои душевные силы, чтобы я стал художником. Я встречался с ними в разное время и в разных обстоятельствах, но все равно всех их считаю своими наставниками, своими дорогими учителями.

В институте нам читали лекции Михаил Ромм и Сергей Юткевич. Их лекции дали мне очень многое. Они будили творческую фантазию, рождали желание как можно больше познать, увидеть, почувствовать. Благодаря им я не выходил из музеев, смотрел все театральные премьеры, фильмы. Но, кроме того, наши учителя воспитали в нас и многие другие качества, необходимые людям моей профессии. Юткевич — строгий и требовательный педагог. Он никому из нас не давал поблажек, требовал точности в работе, ответственности, беспредельной самоотдачи своему делу.

— Вы будете работать в кино, — говорил он, — а кинематограф требует всех сил, всего времени. Необходимо выработать в себе точность, организованность в труде, ответственность перед теми, с кем ты связан в работе.

Когда я сам стал снимать картины, то добром вспоминал строгого мастера, потому что понял, что он воспитал в нас отличное качество: заложил в нас большое чувство ответственности за свою работу.

В этой связи мне хочется вспомнить Сергея Аполлинари-

евича Герасимова. Он тогда снимал «Молодую гвардию», и часто после лекций я бегал к нему на площадку посмотреть, как он работает. Помню, что мастер был строг, быстро умел мобилизовать всю группу, моментально, без лишних слов и объявлений создавал предельно рабочую атмосферу. Так в наблюдениях складывался и мой неписанный рабочий кодекс.

Михаил Ильич Ромм воспитывал в нас чувство доброты и в жизни, и в творчестве. Он говорил нам, что художник, какой бы фильм он в это время ни создавал, должен передать в нем свою любовь к Родине, всегда должен быть коммунистом в искусстве. Юткевич по этому поводу как-то сказал:

— Политика и искусство неотделимы. Художник вне политики — не художник.

Когда позже я проходил практику у Александра Петровича Довженко, он тоже мне говорил о месте художника в жизни, о его ответственности перед обществом. Как сейчас помню его слова:

— Режиссер, художник должен внутренне чувствовать, что он хозяин своей страны, своей земли. Он должен этому верить сам, только тогда он будет творить счастливо и смело, создавать настоящие произведения.

Ромм был чутким и внимательным человеком. Я часто встречался с ним дома, на работе, на лекциях. Как-то он увидел меня на улице (я тогда готовился к диплому), остановил машину, предложил подвезти, потом спросил:

— Ну, что думаешь делать?

Я сказал, что еду к одному режиссеру, который пригласил меня в соопостановщики. Он вспыхнул, услышав фамилию, заволновался:

— Я тебе не разрешаю! — потом, немного остыв, спокойно закончил: — Нет, конечно, я тебе не могу запретить. Но если ты с ним будешь работать, больше не говори, что ты мой ученик. У него другая школа, ты испортишься. Я тебя учил высокому искусству.

Ромм тогда снимал «Адмирала Ушакова». Весь был в работе, в съемках. И я был глубоко благодарен ему потому, что, несмотря на свою крайнюю занятость, он продолжал заботиться о нас, своих бывших учениках, находил время помочь, дать совет, подумать о нашем будущем.

Столь же душевно щедр был и Довженко. На практике, перед съемками, он часто рассказывал мне, как собирается снимать предстоящий эпизод, как видит его. Он постоянно обогащал меня, учил. Спрашивал, как бы я сам его снял, потом объяснял терпеливо, мягко, приветливо улыбаясь, мои ошибки. Так же заботливо он относился к тем людям, с которыми работал. Он говорил, что если человек пришел на работу больным или плохо себя чувствует, то в нашей группе он должен поправиться. Довженко считал, что на съемках обстановка творче-

ва, дружеского отношения людей друг к другу, взаимопонимания и взаимопомощи способна излечить все недуги. Особенно трепетно он относился к творчеству актера. Все, начиная от рабочего, осветителя, костюмера, считал Александр Петрович, должны знать, что на съемочной площадке актер — главное лицо, следует создать такую атмосферу вокруг него, чтобы он смог раскрыться перед камерой полностью. Он говорил: «Тихо! На площадку вышел актер». И мы все становились свидетелями высокого творчества. Он обращал внимание на самые, казалось бы, незаметные мелочи. Однажды он заметил, что у одного актера развязался шнурок на ботинке. Он остановил съемку и попросил быстро это исправить, хотя актер этот не был на крупном плане. Александр Петрович понимал, что такая мелочь будет мешать исполнителю, он уже не так будет вести себя в кадре и у него не будет нужного творческого самочувствия.

Душевная щедрость, доброта, отзывчивость, внимательное, чуткое отношение к окружающим — эти качества, присущие моим учителям, помогли мне жить. В стихах Мирзы Шафи, азербайджанского поэта XIX века, есть такие строки: «Творят счастливые добро, в убытке не бывая...» Мне кажется, что это он сказал о них, моих наставниках. А потом, создавая фильмы «26 бакинских комиссаров», «Звезды не гаснут», «Ее большое сердце», «Дела сердечные», я воплощал эти черты характера в моих героях.

И еще об одном дорогом не только для меня человеку хочется вспомнить сегодня — о поэте-коммунисте Назыме Хикмете. По его сценарию мы вместе с режиссером И. Гуриным и оператором М. Пилихиной создавали фильм «Двое из одного квартала». Мы, тогда еще совсем молодые, делали свои первые самостоятельные шаги в искусстве, а Хикмет уже был всемирно признанным поэтом. Но в этой совместной работе он ни разу не подчеркнул разницы положения, не подавлял нас своим талантом, авторитетом, а помогал нам «опериться», старался раскрыть наши способности. Я помню, нам казалось, что в сценарии отсутствует драматургия, что надо что-то изменить. Если мы были правы, он тут же придумывал диалог или целую сцену. Если нет, он, смеясь, говорил:

— Не всегда хорошо, когда дважды два четыре. В искусстве надо мыслить другими категориями... Он учил нас, но не поучал, был всегда очень доброжелателен.

Это был мой первый фильм. Он поднимал философский вопрос: человек, идущий дорогой своего народа, никогда не умирает, а живет в сердцах своих соотечественников. А тот, кто изменяет своей родине, гибнет бесславно, исчезает бесследно. Я тогда еще не знал, что эта тема беззаветного служения своему народу,

необходимости отдавать себя полностью людям, чтобы сделать их счастливыми, станет ведущей для меня в искусстве. Но Хикмет незаметно выводил меня на нее.

**Ведь если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем,
Так кто ж тогда рассеет тьму!**

Эти стихи Н. Хикмета вошли в мою жизнь, их тема стала главной, направляющей в моем творчестве.

Несколько лет назад судьба распорядилась так, что я оказался далеко от Родины. Я поехал во Вьетнам, чтобы преподавать свою профессию в Ханойской киношколе. Мне повезло наблюдать становление молодого вьетнамского киноискусства. Сюда пришли учиться крестьяне, фронтовики, партизаны, рабочие. Я многому сам у них учился: мужеству, трудолюбию, героизму. И сам старался передать им то богатство, которым одарили меня мои педагоги. Все было за эти три года: и бесконечные поиски, и надежды, и горечь ошибок, и радость творческих удач. Да, это были трудные, но чудесные, незабываемые годы. Они принесли свои плоды. Однажды кинорежиссер из Вьетнама Гю Ван сказал М. Ромму:

— Я ваш ученик, я ваш ученик.

Михаил Ильич удивился. Тогда Гю Ван пояснил:

— Ваш ученик Аждар Ибрагимов передавал нам ваши лекции. Благодаря им мы хорошо поняли и изучили традиции советского кино. Поэтому мы считаем себя вашими учениками.

Большое признание своей работы мне было трудно ожидать. Сейчас я вновь преподаю, на сей раз в Институте культуры на факультете, который готовит руководителей дворцов культуры, режиссеров любительских студий. Однажды мой знакомый, остановив меня, сказал: «И что ты возишься со своими учениками, ведь они не будут заниматься профессиональным кино». А я подумал: «Вот ведь как бывает, доживает человек до седины, а так и остается первоклашкой всю жизнь». Разве имеет значение, чем человек будет заниматься, важно, что он принесет с собой. Окончив институт, мои студенты разъедутся по разным республикам, в города и деревни, подчас и отдаленные. И там они сами станут наставниками, там они будут сеять то, что заронил в них я. Поэтому мне хочется как можно больше передать своим ученикам. Все то, что я перенял от своих учителей, что познал и чему научился в жизни сам.

Ни с чем не сравнимо счастье быть полезным, видеть и чувствовать, как, отдавая свои силы, знания и опыт, ты приносишь людям подлинную радость — готовишь их к любимому труду, открываешь им новый, прекрасный мир.

Аждар ИБРАГИМОВ,
кинорежиссер, народный артист Азербайджанской ССР.